

САМОРОДКИ

Льва Вельгаса

Он чуть-чуть старше ММК, практически ровесник. Когда на Магнитке вовсю строили первую доменную и восьмую коксовую батарею, самую дальнюю от домны, он только родился в тогдашней столице Украины Харькове. Мировые потрясения через считанные годы сорвали семью с родимых мест и занесли в Магнитогорск. И уж с тех военных пор их биографии неразделимы — Левки и ММК.

Неправда, что тридцатые были временем сплошных репрессий, реорганизаций, разрушения хозяйств, дворов, семей, душ. Левка с молоком матери, живущей в Магнитогорске и нарекавшей его этим легким стремительным именем, которое в ходу у родственников и друзей, впитал глубочайшее чувство уважения к Родине. Как бы она ни называлась — Советский Союз, Украина, Россия. Семья была дружной — дети родились один за другим.

Национальности в то время не придавали никакого значения. Евреи, например, на Украине занимали третье место по численности после украинцев и русских, так что ни о каком обособлении, а уж тем более ущемлении прав и речи не шло. Все на равных учились, работали... Вскоре Левке и вовсе посчастливилось оказаться в земном раю — в Крыму, в Евпатории, среди буйства южной зелени, красот ландшафта и синего-синего Черного моря. В свободные денки он мог часами пропадать на пляже. За... шахматами? Дядя, чемпион Харькова, в самом нежном возрасте ввел Левку в этот загадочный, чарующий мир королей, слонов, коней, людей, пешек, который на удивление легко принял шпингалета, методично, раз за разом обыгрывающего не только отца, но и всех подряд обитателей городского курорта. Уж видно так устроенным оказался мозг, что ему удобно было непрерывное запоминание позиций, расчеты-пересчеты, лихие, но выверенные наскоки во вражеский игрушечный стан. Любое учение очень легко давалось Левке. И кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы не война...

Отец сразу был призван в Красную Армию и пропал без вести после одного из фронтовых сражений уже в 41-м. Мать, медик, была мобилизована в военный госпиталь. Так судьба свела Вельгасов и Магнитогорск. Левка сразу стал старшим мужчиной в семье. Материнских медсестринских сотен рублей катастрофически не хватало, о школе и даже простом среднем образовании пришлось пока позабыть. Подросток пришел на ММК.

Поначалу было крайне тяжело. Детство кончилось на полпути. На заводе никто не считался с возрастом, физическими и умственными возможностями. Да Левка и сам видел вокруг множество таких же подростков — без отцов, погибших на фронте, без должного образования, навыков, умений. А потому не хныкал, а вникал в дело, которому, не поверите, он прослужил более 50 лет. Уникальный случай! Но еще завиднее то, что он не служил в общепринятом смысле этого слова, он — творил.

Конечно, не сразу. Прокатные цехи, куда определили юного металлурга, поразили его своей мощью, размерами, колоссальными механизмами, красотой горячего металла. А еще людьми, ловко управляющимися со всеми этими ролангами, кранами, шлеперами, валками и еще десятками и сотнями устройств и приспособлений. Конечно, это было чудом, что паренек с 8 классами попал в компанию не просто умных толковых специалистов, но поистине классных, владевших обширнейшими знаниями автоматизации, электрики, гидравлики, пневматики, механики. И не просто владевших, но использовавших знания на жизненную потребу металлургического производства.

Нет, Левка не испугался, но понял свое истинное, едва ли не самое мизерное место, маленькую нишу, которую он занимал пока в громадной пирамиде кадров ММК. Надо было учиться, учиться и учиться. Увы, снова пришлось уезжать. Теперь — в Советскую Армию. Четыре года служил под Свердловском в Уральском военном округе. Не потерялся. Крепкий и физически, и морально, живой, как ртуть, он не только стойко перенес обычные тяготы армейской

жизни с ее неумолимой дисциплиной, а еще и все-речь увлекся спортом. И не только шахматами, где он естественно попал в самую элиту УрВО. Разряды и призовые места сыпались один за другим — бокс, волейбол, баскетбол. А вот с фехтованием осечка вышла.

Вообще это уморительный случай. Сказали, что биться будут не на классических рапирах или шпагах, а

на самых обычных винтовках, только с гибкими штыками. Левка, легкий на подъем, очень заводной азартный паренек, тоже решил попробовать. Как учили на плацу — раз, два, три. Вместо «коли» он заехал сослуживцу прикладом, как врагу, как учили. Сняли с соревнований. Не говорит ли этот случай о Лева лучше многих грамот и наград? Не умею — освою, научусь, поднимусь. Главное — не бояться, пробовать, рисковать, искать. И таким он был во всем и всегда.

Армейские будни сменялись трудовыми. Здесь, конечно, на родном ММК. Смена советского лидера Сталина на Хрущева привела к пусть и неочевидным, но резким изменениям во внутренней политике. Коммунистическая перспектива потребовала полной ревизии кадров и ресурсов по всем направлениям. Для ММК это были и новые объекты пяти- и семилетки, и внутренние реорганизации. Подросток и возмужавший Лев, хотя и простой слесарь, был замечен не только как шахматист, на равных, и даже побеждавший кое-кого, сражавшийся в финалах Магнитогорска с Тафлевиным, Бурылевым и прочими местными грандами не только как комсомольский активист, член цехового бюро ВЛКСМ, но прежде всего как инициативный грамотный специалист. За прокатом последовало мартиновское производство, горное, доменное. Постепенно Лев исключался как слесарь из чисто монтажных и тем более неквалифицированных демонтажных работ, а все больше привлекался к интеллектуально насыщенным наладочным. После известных партийных решений о строительстве коммунизма и последовавших правительственных министерских постановлений о мерах, обеспечивающих это, Лев Вельгас уже окончательно перебрался на коксохим, на участок автоматизации.

Нет, карьеры в обывательском смысле сделать ему не пришлось. Слесарь, без так и оставшегося в мечтах высшего образования да еще и отказавшийся вступить в партию — а очередь туда была ой какая длинная, и предложения второй раз в брежневские застойные годы так и не последовало, — он и не помышлял о должности, мандате, кабинете. Беспартийный коммунист, по Ленину не болтал, но работал и работал, рационализировал, изобретал, творил. Не чурался никаких самых грязных и вонючих объектов, коих на коксохиме полным-полно. Что поручали, то и делал. Не как слесарь, но инженер с большой буквы. Справедливости ради надо отдать должное его непосредственному руководителю Александру Гулянскому, почти тридцать лет

конкурс
СТАЛЬНОМУ СЕРДЦУ РОДИНЫ

бывшему рядом, так же увлеченному делом автоматизации КХП, как и сам Лев Борисович, их коллеги А. Григорьев, В. Зверев, В. Махнородова, Д. Иванов и другие.

Женитьба, рождение сына Геры и дочери Лии, не то чтобы прошли незамеченными для него, но он не ударился в огородно-садовые и прочие добычательские страсти, а все так же размеренно, полноценно для дела, с душой придумывал новинки, монтировал их, налаживал, внедрял. Надо было — прихватывал свободные часы, отрывал их от дома, от все понимающей жены, от детей. Уж так устроенный оказался этот мастер коксохимии, выросший не на дипломах и аттестатах, а на знаниях, обретавшихся целенаправленно и... самостоятельно.

Нет, он не был каким-то изгоем. Увлеченный автомобилист, любитель природы, искусный любитель раков, компанейский добрый человек с прекрасным легким характером, не только не имевший личных врагов, но и просто недоброжелателей, он избирался не раз в комитет профсоюза, в требующую особых усилий жилищкомиссию, и в прочие общественные советы-комитеты. Всегда ему хотелось бежать, лететь на работу, на комбинат, именно ради любимого дела — за наладочный стол, где с годами менялись реле, транзисторы, микросхемы, контроллеры, компьютеры, на коксовую батарею, ради которой и были все эти бдения, разочарования, неудачи и обретения, счастливые мгновения озарения, удачи, победы. Не в один ли из таких моментов Лев Борисович и взял ручку:

Вагон тушильный с коксом,
время остановки,
Наладка, но «команда» не идет!
А скоро выдача — нельзя без
блокировки.
Крик, шум и разбирательства
на год.

Для сведения тех, кто не бывал на батарее, скажу, что политику тыла определяют коксовые машины. Наверху уголь засыпает в каме-

ры загрузочный вагон, с машинной стороны — коксовый талкатель, с коксовой — на уровне печи двересъемная машина, ниже — электровоз с тушильным вагоном. Никто никого не видит, но каждые двенадцать минут очередная порция коксового пирога должна быть вытолкнута, потушена в тушильной башне и выслана на рампу с дальнейшей транспортировкой на коксортировку и, лучше всего, называемого металлургическим, на домну. Малейшее несоответствие в действиях — сбой во всей технологической цепочке, ведь это ба-та-рея — за одной печью как domino «посыпается» десятки следующих. На этом и съел собаку Лев Борисович. Слесарь запросто общался с начальниками цехов А. Махно, Г. Гриневичем, Н. Аксеновым, В. Егоровым и другими, быстро уловившими новизну и полезность разработки Л. Вельгаса. Более того, проведенные патентные исследования выявили мировую новизну устройства, разработанного на ММК. Технические находки по контролю работы коксовых машин защищены сразу семью заявками на изобретения.

Эти авторские свидетельства дороги Льву Вельгасу не только, за признание уровня его разработок, но за их практичность и полезность. Правила изобретательства жесткие: только 2 процента от суммы экономического эффекта перечисляются автору, остальные 98 достаются коллективу, вырастившему самородка и внедрившему его дитя. В нашем случае — ММК.

Были и десятки других тем, от флотации на углеподготовке до автоматизации кантовочных механизмов, доработанных и доведенных до стадии эксплуатации на коксохимпроизводстве Львом Вельгасом и работающими благодаря усилиям Сергея Трифонова, возглавляющего группу эксплуатации автоматики КХП. И при этом он нисколько не зазнался, остался таким же скромным тружеником, готовым впитывать новые знания о новых приборах, узлах, устройствах.

Семидесятилетие ММК будет отмечаться почти одновременно с семидесятилетием коксохимии. Первый кокс опередил первый чугун всего-то на месяц. А Лев Борисович к этим юбилеям добавил и свой личный — свое десятилетие. До которого он... доработал, и как — живо, творчески, с огоньком. Ему в радость были эти трудовые полвека на ММК. Легкость ума, легкость характера Левка, Лев Борисович сохранял при всех режимах, не унывал. Его не увидишь на скамеечке у подъезда. Дети подарили ему на семидесятилетие компьютер с новейшей операционной системой. Ничего, осваивает и Windows.

Не забыты и главные вещи в доме, его боги — книги, которым отданы столько вечеров и выходных — В. Шекспир, И. Стоун, М. Твен, А. Дюма, В. Белинский и еще десятки авторов, серьезному слову которых Лев Борисович поклоняется. Бульварщина, равно как и мат, не по нему. Он и сам много пишет, больше для круга друзей, есть и публикации. Готовит творческие вечера с отчетом о своих достижениях и в уральском движении «Экология души», и в еврейском культурном обществе. Доволен, что бросил курить, счастлив, что рядом всегда любимая и любящая Инна Владимировна, которая требует повторения от Левки чемпионства по настольному теннису в Челябинской области, теперь уже сради тех, кому за 70. Живет ветеран, с добром к людям, как и они к нему. И по-прежнему думает о вечном:

Неужто чувства кажутся,
Видения мерещатся,
Любовь и дружба чудятся,
Все мнится и все грезится?
В очках не те диоптрии,
Глаза слезами залитые,
Что видим — все колышет
Сквозь стекла не промытые.
Фон шума глушит истины,
Бурчание — не исповедь.
И так уйдем не поняты
И ничего не понявши?

Анатолий МЯГКОВ.